

ДЕЛО, конечно, не только в шляпе — в широкополом, отороченном причудливым национальным узором сомбреро, которое привез из Мексики своему двоюродному брату, московскому школьнику Шуринку Тычинкину молодой советский дипломат Александр Цаплин. Хотя эта роскошная экзотическая шляпа в сочетании с не менее красочным мексиканским костюмом, в который облачился Шурин, и сыграла чрезвычайно важную роль в судьбе ее владельца, однако, в конечном счете, дело решили правила доброго товарищества, требования верной мальчишеской дружбы и те симпатичные душевные черты, которые стали уже органичными и типическими для самых обыкновенных наших ребят.

Что касается заманчивой шляпы-сомбреро, неожиданно оказавшейся на подмосковской даче, то она в данном случае явилась лишь удачным поводом для того, чтобы вокружить нее, — словно в известном мексиканском танце, когда танцор бросает свое сомбреро в круг и как бы продолжает плясать на полях его, — завязалась, сплелась забавная путаница, образующая комедийный — я бы сказал, водеvilный — сюжет. Это приводит в конце концов к тому, что...

Впрочем, не стоит лишать тех, кто еще не видел спектакля, о котором идет речь, удовольствия самим пережить курьезные и интригующие моменты этой истории и убедиться в веселой ее правоте, ради которой автор написал пьесу, а театр поставил ее.

Разговор же у нас идет о новой комедии Сергея Михалкова «Сомбреро», которую поставил на своей сцене Центральный детский театр. Спектакль имеет большой и

«СОМБРЕРО»

заслуженный успех. одинаково радуя и основных посетителей театра, ребят, и взрослых, которые, уже прослышав об удаче драматурга и театра, занимают изрядное количество мест в зрительном зале, вызывая даже порой известное недовольство «главных зрителей».

Почему же зрители всех возрастов и прессы, уже широко откликнувшись на «Сомбреро», так хорошо приняли этот спектакль?

Для того, чтобы ответить на это, не надо особенно мудрствовать. Дело объясняется весьма просто

В Центральном детском театре

Один из талантливейших наших поэтов, широко известный и как автор знаменитых детских стихов, и как популярнейший баснописец, писатель, всегда очень верно и чутко отзывавшийся на голос современности, драматург, уже имеющий немалый опыт и в детском, и во «взрослом» театре, Сергей Михалков придумал, может быть, не очень хитрую, но по-настоящему смешную коллизию. Через нее, как сквозь полупрозрачный, пронизанный солнечными лучами занавес с огромным изображением сомбреро (его создали художники В. Лавенич и Н. Сосунов), проступают хорошие мысли о необходимом внимании к товарищу, о вере в подлинные возможности друга, об умении распознавать истину без всяких прикрас, о широте интереса наших ребят, о гуманистическом образе их мышления... И театр отлично понял этот расчет драматурга, поставив пьесу ве-

ло, разыграв ее легко и увлеченно, не навешивая излишне назидательной хмури на солнечное и сперва кажущееся бесаполотным чело михалковской комедии.

Постановщики А. Некрасова и В. Сперантова построили спектакль так, что веселому сюжету, изобилующему традиционными для водевил совпадениями и курьезными недоразумениями, не тесно в рамках режиссерского замысла. Спектакль пришелся как раз впору выдумке драматурга, подобно тому как легко сидят на главном герое комедии, Шуринке Тычинкине, сомбреро и мексиканский костюм.

Во многом этим всем спектакль и обязан исполнительнице главной роли, талантливой артистке М. Куприяновой. Она с превосходной убедительностью и многогранным мастерством решает ряд нелегких задач, которые поставлены перед ней драматургом и театром. На самом деле, легко ли в одном и том же спектакле играть столь не схожие роли! Сначала представлять незадачливого юного любителя из самодеятельного театрального кружка, обыкновенного московского, несколько неуравновешенного мальчишку, обиженного к тому же весьма несправедливо его товарищами. А затем преобразиться в этатного бравого кабальера, вдруг появившегося на подмосковном дачном участке, и заставить не только его озадаченных приятелей, но и на какую-то минуту даже зрителей в зале поверить, что перед ними подлинный паренек из Мексики, подвижной, стройный, темпераментный, великолепно танцующий национальный мексиканский танец, блистательно владеющий плагой и лихо поющий мексиканскую песенку!.. Все это Куприянова делает безукоризненно, увлеченно и в то

же время не выходя внутренне из образа, что придает ему особую реальность.

А к концу спектакля, когда в одном окне дачи перед зрителями и действующими лицами появляется Шурин Тычинкин, а буквально через мгновение в другом окне — юный мексиканец в сомбреро. — Это кажется уже почти непостижимым... Здесь актриса выступает уже как блистательный трансформатор.

Немалая доля успеха этого спектакля принадлежит одаренной Г. Ивановой, которая с покоряющим обаянием играет наралушу Вовку Пестика, простодушного, доброго, полного мальчишеского достоинства и солидного в своих манерах малыша. Да хорош и весь актерский ансамбль этого удачного спектакля. Верить и Э. Тумановой, играющей Алду, и В. Кузнецову, изображающему Славу, и Т. Цыганок в роли Адриана.

Не совсем ясен образ Вадима в исполнении А. Дмитриевой. Но здесь скорее вина не актрисы, а драматурга. Есть у нас такие ребята, которые стремятся командовать своими сверстниками, изображают командиров, не имея достаточных к тому оснований и порой не очень-то хорошо используя свой мнимый авторитет. И было бы очень неплохо показать на сцене детского театра такую фигуру, о которой подчас приходится много хлопотать и учителю, и пионервожатому, прежде чем удастся разоблачить истинную цену подобного главаря.

Но пьеса не дает достаточного материала для создания такого сатирического образа в спектакле. Драматург не нашел ярких, для своего Вадима интересных черт, которые помогли бы не только разоблачить его, но и вскрыть хотя бы пародийность его по-

вадок — ведь приходится догадываться, что Вадим и в позе, и в непререкаемых суждениях своих берет за образец поведение каких-то взрослых, подражает которым он, верно, изжит из всех сил...

Некоторая расплывчатость фигуры Вадима в середине спектакля, во втором акте, сглаживает в какой-то мере и сатирическую остроту конфликта между Шуриком Тычинкиным, Адрианом с генеральской дачи и Вадимом, который диктаторски пытается распоряжаться своими сверстниками, доверяя ему обязанности режиссера в самодеятельном спектакле «Три мушкетера».

Можно было бы несколько интереснее обрисовать и взрослых персонажей комедии. Впрочем, при том построении ее, которое избрал автор, не они решают дело. И на общем звучании спектакля это отражается незначительно. Он разыгрывается живо, звучит весело и убедительно, доставляя истинное удовольствие, вызывая то и дело дружный хохот в зале во время действия, а в антрактах возбудая в фойе ребятяни споры о том главном, ради чего и написал Михалков свою остроумную пьесу. — о том, что большая дружба не терпит корысти, о том, что следует быть внимательным к тем, кто рядом, и о том, как широко открыты сердца наших ребят для хороших песен всех народов, для всех солнечных, дружеских красок мира...

Лев Кассиль.

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА 3 стр.

30 НОЯБРЯ 1957 ГОДА